

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Эротерапия

Решился вот рассказать одну историю, которая произошла недавно и имела большое влияние на нашу жизнь. Произошла она с моей женой, но и я принимал в ней непосредственное участие. Это очень интимная история, я еще никогда не обнародовал такого, поэтому не буду называть имен, мест и т. д.

Вначале немного расскажу про жену и про нас. Жене 30 лет, мы в браке уже больше 8 лет, поженились по любви, живем счастливо (тьфу-тьфу-тьфу). Никаких измен ни с моей, ни с ее стороны никогда не было, полное доверие друг другу. Конечно, были разные нюансы в отношениях, как и в каждой семье, но все они кончались благополучно.

Я обожаю свою жену. Она у меня очень красива, такой благородной красотой, аристократической. Когда мы поженились, она имела стройную девичью фигурку, при этом она у меня крупненькая, метр 80, и грудь у нее была хоть и полная, но стройная. Когда происходила эта история, жена была на седьмом месяце беременности, животик у нее вырос очень большой, и груди вытянулись вниз, сантиметров на 5 или больше. Это была первая ее беременность, мы долго не решались заводить ребенка, и она очень переживала за своего первенца, за себя и свою фигуру, боялась, что ей уже поздно рожать, что она останется уродиной...

Жена выросла в интеллигентной семье «старой закваски», всегда была очень стыдлива и щепетильна, девственности лишилась со мной в первую брачную ночь, и потом наш секс всегда был нашим личным, сокровенным достоянием, он всегда проходил в атмосфере глубокого интима и скрытности. Без особого возбуждения, может быть, но с большим вниманием друг к другу, с большой трепетностью. Мы даже немного стыдились друг друга, стеснялись всего, что есть в сексе животно-чувственного, мне всегда казалось, что моя любимая — такое вот благородное, нежное создание, и сношать ее нужно красиво, нежно, без пошлости...

Чтобы не подумали, что я черствый и наивный эгоист, добавлю, что я быстро научился доводить ее до оргазма, и также научился определять, когда она действительно кончает, а когда делает вид. После нескольких разоблачений в симуляции жена раз и навсегда отказалась от сексуальных спектаклей, и через некоторое время я уже умел удовлетворять ее практически всегда. Мне в этом помогли всякие статьи из Интернета, которые я почитывал тайком от жены, и потом я удивлял ее сексуальными новшествами... В общем, нашу сексуальную жизнь нельзя назвать бедной. Я, правда, иногда ловил в себе мысли, что некоторые вещи меня возбуждают больше, чем близость с женой, но всегда отгонял их.

К эротике и обнажению на людях, в кино, в шоубизнесе, к «сексуальной революции» мы привыкли относиться... ну, как будто бы всего этого нет. Наши интересы лежали совсем в других сферах, мы никогда не смотрели порнофильмы, и даже когда видели в кино эротическую сцену — стеснялись, маскировали свое смущение иронией и шуточками. Так уж мы привыкли.

Одевалась и вела себя жена тоже скромно и благородно. Нет, она не была фригидной «рыбой» — она была красива и знала это, одевалась женственно, изящно, но никогда не носила глубоких декольте, откровенных, облегających нарядов. Она равнодушна к украшениям, носит необычные бусы, браслеты, всегда выглядит артистично и оригинально.

Жена — натуральная блондинка, волосы никогда не красила, лицо у нее славянское, мягкое, нос немного курносый, глаза карие, темные, большие и выразительные. Она застенчива, говорит негромко, но умеет очень заразительно веселиться и всегда глубоко, до слез переживает.

На этом я закончу свое предисловие — оно и так уж затянулось — и перейду к самой истории. Моя жена, как я уже говорил, сильно переживала по поводу своей беременности. Ее пугал ее гигантский живот, она боялась, что носит «слоненка» и не разродится, беспокоили всякие осложнения, токсикозы и пр., кроме того, она комплексовала из-за того, что впервые рожает так поздно, что делает что-то неправильно и т. п. — в общем, какое-то время она была в подавленном состоянии. Мне трудно было судить, имеют ли ее переживания серьезную причину, но казалось, что большей частью не имеют. Я водил ее на всякие консультации, и к психологам, и к врачам, но эти визиты жену не успокаивали.

Между делом мы случайно познакомились с одной молодой женщиной (назовем ее Надя), психологом и художницей. Она была младше нас — ей было года 23—24, — была очень милостива, открыта и доброжелательна в общении, и очень понравилась нам обоим. Жена сразу почувствовала к ней какое-то особое доверие и симпатию, и за несколько встреч они почти подружились, несмотря на то, что называли друг друга на «вы».

Как-то раз Надя проявила большой интерес к огромному животу моей жены, и та, заметно стесняясь, оголила его по Надиной просьбе. Надя умилилась, прижалась щекой к животу, стала гладить его и ласково беседовать с малышом, сидевшим там. Надя была очень непосредственна, и ее искренность тронула жену, которая сразу заулыбалась, отдалась Надиным ласкам, и они стали, как две девочки-подружки, говорить с малышом в животе.

Тут Надя рассказала нам, что есть такая терапия для беременных: рисовать будущим мамам на животиках разные красивые рисунки. Это успокаивает, расслабляет, заряжает позитивной энергией, создает хорошую ауру для малыша. Жене очень понравилась такая идея, и она, глядя на свой оголенный животик, стала прикидывать, что бы можно было на нем нарисовать. Надя сказала, что она сама занимается таким рисованием, и предложила разрисовать жену. Та отнеслась к этому с восторгом, и сразу же застеснялась, спросила «это не щекотно?» Надя засмеялась и сказала, что обычно мамам очень приятно, когда их разрисовывают. В общем, мы договорились, что завтра я привезу жену к Наде в студию, и она там займется ею. На прощанье Надя нагнулась, поцеловала жену в животик, как бы прощаясь с малышом, сказал ему «до свиданья, завтра увидимся!», улыбнулась и ушла. После ее ухода жена осталась в радостно-приподнятом настроении, чего не было уже давно, и я мысленно благодарил Надю.

Назавтра мы поехали к Наде. У жены оставалось настроение легкого, взволнованного ожидания, и она все время строила догадки, что же Надя нарисует на ней. Я развлекал ее, высказывая разные забавные предположения, и мы вышли из машины в отличном настроении.

Я завел жену в студию, сдал ее с рук на руки Наде — они очень обрадовались друг другу — а сам вышел на пару минут за некоторыми покупками. Надя сказала мне, чтобы я обязательно присутствовал при рисовании — в этом был особый смысл, — кроме того, мне самому было очень интересно. Купив все, что нужно, я, наконец, вернулся к Наде и прошел из предбанника в саму студию. То, что я там увидел, меня до крайности удивило.

Студия представляла собой довольно большую комнату, обставленную красиво и стильно,

хоть и беспорядочно — большую часть стен занимали картины (судя по всему, Надины) и зеркала. По углам стояли осветители и штативы для камер. Посреди комнаты стоял стол, на нем — чашки с чаем, шоколад и горящие ароматические свечи, наполняющие комнату сладковатым и расслабляющим ароматом.

Возле стола в глубоком кресле сидела жена, обнаженная по пояс, без бюстгалтера, бедра ее были обвязаны широким зеленым полотенцем, концы которого слегка разошлись, открыв полоску обнаженного бедра, и я понял, что на жене нет трусиков, что она полностью обнажена. Рядом с ней на корточках сидела Надя и водила широкой кистью по ее животику, покрывая его слоем голубой краски. Глаза у жены были полузакрыты, на лице блуждала стыдливая улыбка. Надя, разрисовывая жену, нежно, воркующе говорила ей что-то.

Ручаюсь: никто, кроме меня и двух-трех врачей, не видел ее голой — с тех самых пор, как ее в детстве купали родители. Невозможно было представить, что она обнажится перед кем-то другим. По ней видно было, что она стесняется, и в то же время ей приятно. Она увидела меня, смутилась, шевельнулась, а Надя весело говорит ей: не дергайся! — и продолжает мазать ее краской. Только что они были на «вы»... Я тоже немного смутился, не зная, как реагировать на неожиданный стриптиз, и решил поддержать веселую, дружескую атмосферу. Говорю: о, вы уже тут всю творите! А что вы изображаете, Надя? — Надя задорно говорит: увидите! Ваша жена любит цветы и рыбок — вот мы и распишем ее на цветочно-аквариумную тему!

Надя встала навстречу мне, руки протягивает, а на лице улыбка светится, — Располагайтесь, попейте чайку с нами, китайского, особенного... Потом говорит — Предлагаю всем перейти на «ты»! Чтобы подружиться еще больше!

Надя была младше нас, и рядом с беременной женой казалась девочкой, но была так искренна и приветлива, что с ней невозможно было «разводить церемонии».

Я сидел в уютном кресле, пил необыкновенно вкусный чай, «плыл» от расслабляющего аромата свечи, и смотрел, как Надя рисует на жене, как на ее теле постепенно оформляется красивый и гармоничный рисунок. Надя все время говорила — ненавязчиво, приветливо, — и очень скоро чувство неловкости прошло, а наоборот, появилось чувство, будто так и должно быть, что жена оголилась перед Надей, этим чудесным созданием. Появилось ощущение такой особой интимной, почти семейной атмосферы, где ни у кого ни от кого нет никаких секретов.

Жена мне потом рассказала, как Надя сразу отвела ее в душ, дверь которого не запиралась, как она там вымылась необыкновенно душистым мылом, как Надя вдруг вошла к ней туда, держа в руке полотенце. Голая жена перепугалась, попыталась прикрыться, а Надя улыбалась и говорила — «не дергайся, я ж тебя все равно сейчас расписывать буду. Ничего, что я на «ты»? Жена, немного ошеломленная, не знала, что и сказать, а Надя подает ей руку — «давай помогу». Жена вылезла с Надиной помощью из ванной, Надя заботливо вытерла ее везде, включая интимные места, и сказала: «не надо одеваться. В студии тепло, а мне нужен весь твой голенький перед». Жена думала, что Надя будет рисовать только на животе, а Надя надумала расписать ее сверху донизу. Жена только обмотала бедра полотенцем — в таком виде Надя и усадила ее в кресло.

Должен сказать, что в последнее время жена действительно выглядела... мне, в общем, было иногда горько смотреть на нее — гигантский живот, обвисшие, разросшиеся груди, которые были совсем недавно так красивы и стройны... Личико у нее было все таким же милым и

молодым, хоть и стало в последнее время немного измученным, а тело изменилось до неузнаваемости. Она даже стала стесняться раздеваться при мне. Я утешался только мыслями о будущем первенце, которого очень ждал и любил, и о том, что многие женщины после родов восстанавливаются: немного желанная и дисциплины, и — к моей любимой вернется ее красота.

Но здесь, в Надином кресле, у меня вдруг будто спала пелена с глаз, и я увидел особую красоту тела своей жены — красоту материнства, красоту женственности в ее самой подлинной форме. Огромный живот — уютный дом для малыша, большие, щедрые груди — обильная столовая для него... И все это я увидел будто благодаря Надиному голосу, дружелюбному и ласковому. Она не стеснялась называть части тела жены своими именами — «сейчас мы покрасим тебе эту сисю. Какая она большая и красивая у тебя! Осторожно, рисую сосок, потерпи...» — и вообще ничего не стеснялась. Среди работы она вдруг поднялась, сказала «Уф, жарко! Ты согрелась? может, выключить обогреватель?» Жена сказала, что ей очень хорошо и уютно, я тоже не чувствовал особой жары. Тогда Надя вдруг взялась за край блузки, помедлила секунду, спросила жену: «тебе не будет неприятно, если твой муж увидит меня с обнаженной грудью?» Жена смешалась, но Надя спрашивала серьезно и глядела на нее, ожидая ответа. Наконец жена ответила с улыбкой — Нет, не будет, что ты. А ты не... не стесняешься? — Чего же мне стесняться? — улыбнулась Надя, — я же вас люблю, — и стянула с себя блузку, открыв нам молодое розовое тело с маленькими, почти детскими грудками. — Может быть, когда у меня тоже будет ляля, они станут такими же большими, как у тебя, — сказала Надя, взявшись руками за груди, будто оправдывалась, и потом вновь взялась за кисти. Она была удивительно трогательна и мила, особенно, когда обнажила голенючее детское тело.

К тому времени Надя покрасила жене весь перед, от бедер до плеч, набросала контуры рисунка, и сейчас взялась за лицо, склонившись над ним. Ее маленькие груди с острыми сосочками свисали прямо над огромными грудями моей жены, которые оканчивались широкими, мягкими сосками, — и я думал «Вот какой контраст грудей-противоположностей! Но у моего милого пузатика — все равно красивее». Чувство какой-то необычной нежности и умиления овладело мной, и по тому, как женушка жмурилась, по тембру ее голоса я понимал, что она растворяется в этом же чувстве еще сильнее, чем я. Надины руки и кисти заботливо касались ее тела, и под их прикосновениями жена буквально на глазах обмякала, отдаваясь им, как умиротворяющему массажу. Она уже ничего не стеснялась, свободно раскинула ноги, и полотенце почти сползло с ее бедер, открыв одну ногу и едва прикрывая промежность.

Надя попросила ее закрыть глаза, и стала рисовать на ее веках. В этот момент, точно по закону подлости, к нам в комнату входят двое — парень и девушка. Входят, здороваются со мной и окликают Надю.

Жена дернулась... Надя поспешно сказала — Ээээ! глаза не открывай, ну пожалуйста! Ты же смажешь мне всю работу. И не дергайся, расслабься... — Жена пыталась натянуть на себя край полотенца, но Надя забрала его у нее из руки, отчего полотенце размоталось еще сильнее, совсем уж откровенно открыв пушок под нависшим животом, — Не надо прикрываться, ты же еще не высохла. Краска вон мокрая еще, — Надя провела пальцем ей по груди, задев сосок, отчего та вздрогнула — Не стесняйся, прошу тебя. Вон я тоже голая, и не стесняюсь. А вы, — Надя повернулась к гостям, — вы чего перепугали мне модель? Ввалились, как медведи какие. Что вам тут, избушка на курьих ножках? — Надя все это проговорила шутливо-сердитым,

«понарошным тоном», и неловкость опять как-то сама собой стала испаряться.

Я хотел встать и набросить полотенце жене на бедра, но тут же подумал, что тем самым сделаю акцент на ее наготe, и остался на месте. Кроме того, я вдруг подумал, что мне НЕ ХОЧЕТСЯ прикрывать жену, а наоборот — хочется, чтобы ее нагота была открыта чужим взглядам, и чтобы ей было от этого стыдно. Более того, я почему-то был убежден, что и жене этого очень хочется, гораздо сильнее, чем мне. За время нашего брака мы научились «чувствовать» друг друга на расстоянии, и почти никогда не ошибались. Жена сидела с закрытыми глазами, на лице ее играла странная улыбка...

Я представил, как моя стеснительная женушка сидит, по сути, совершенно голая перед незнакомцами, даже не зная, кто смотрит на ее голое тело, сидит с закрытыми глазами, которые нельзя открыть, и только внутри обливается волнами стыда... Тут я вдруг осознал, что давно уж возбужден — так, как не был уже очень давно, во всяком случае, на людях.

Это я рассказываю об этом моменте так долго, а на самом деле он длился пару секунд. Надя поздоровалась с гостями, которые были, видно, ее приятелями, и вернулась к работе — стала прорисовывать на лице жены тонкий, красивый узор. Она сказала «смотрите, какой хороший бутуз собирается родиться», переключив тем самым внимание на жену — и все понемногу заговорили о детях, о заботах и счастье материнства, стали задавать жене разные вопросы, и она отвечала со смущенной улыбкой — видно было, что она стесняется, но в то же время ей приятно чувствовать к себе такое внимание. У нее было совершенно особенное выражение лица — такое появлялось только, когда она оказывалась в новой, незнакомой, очень приятной и волнующей ситуации. Я хорошо помню его, потому что оно было у нее на нашей свадьбе.

Парень и девушка оказались очень милыми людьми. Они тоже были немного сконфужены, увидев полуобнаженную Надю (та извинилась за свой вид), и в кресле у нее — обнаженную женщину. Но, как я говорил, неловкость очень быстро растворилась, и гости влились в наше общение, которое перестало быть таким доверительно-интимным, но зато стало ярким, почти праздничным. Было такое впечатление, что все мы уже сто лет знаем друг друга. Девушка оказалась очень восторженной и славной — она умилилась виду моей жены, ее беременности, животу, ее все время тянуло к ней, и через некоторое время она, немного покраснев, стала гладить ее по волосам и по спине, дав выход своей нежности. Парень держался на более почтительном расстоянии, был доброжелательно сдержан, остроумно шутил, а потом попросил у нас разрешения поснимать Надю за работой. В другой момент мы бы сразу стали думать, кто потом увидит эти фотографии, но тогда, не раздумывая, согласились. Рисунок на теле жены приобретал все большую законченность. На лице у нее появился очень красивый цветок, изящно подчеркивающий линии лица, ниже — хрупкие узоры, а на животике Надя, присев на корточки, стала рисовать аквариум с рыбками. Это было очень мило и красиво. Надя, рисуя, все время общалась с малышом и женой, называла малыша рыбкой, рассказывала, в каком чудесном аквариуме он будет плавать... На лице жены светилась счастливая улыбка, и меня переполняла радость за нее. Близость двух обнаженных женщин, одна из которых — любимая, здорово возбуждала, надо признать. Жена с интересом следила в зеркалах за тем, как оживает рисунок на ее теле.

Когда Надя рисовала у нее на животе и на груди, жене было особенно приятно. Надя это делала очень интимно, голос у нее стал необыкновенно нежным, даже парень с девушкой притихли. Обогреватель выключился, и жена стала зябко хвататься за плечи. Тогда Надя попросила ее привстать, и, прежде чем жена успела отреагировать, сдернула у нее с бедер

полотенце и накинула ей на плечи, оголив низ. Впервые в жизни на моих глазах посторонние люди смотрели на обнаженные бедра и половые органы моей жены, и от этого у меня даже екнуло внутри — так это впечатлило меня. Потом Надя усадила растерянную жену обратно, и положила ей на колени свернутое махровое покрывало. Сама она при этом одеваться не собиралась.

Очень скоро Надя закончила рисунок, сама умилилась увиденному («поцеловала б, но нельзя — смажу!»), и объявила перерыв. Побежала за какими-то вкусностями, жена встала, стараясь не мелькать обнаженным низом, и снова обмоталась полотенцем. Парень попросил ее попозировать — «устроим фотосессию». Я думал, она откажется, застесняется — но она согласилась, и с удовольствием, хоть и не без смущения, позировала полуобнаженной. Надя, которая вернулась к нам уже одетой, тоже стала ее фотографировать, и минут 15 жена позировала в разных позах.

Чтоб не затягивать рассказ, перейду к самому интересному. Потом мы снова кушали всякие изысканные сладости и пили чай, а потом Надя объявила «второй раунд». «Не устала?» — поинтересовалась Надя у жены, и та сказала — «нет, ни в коем случае, наоборот — мне хочется, чтобы это рисование никогда не кончалось». Вообще она была счастлива в тот день, как никогда, и я прикидывал, как бы отблагодарить милую Надю, которая наотрез отказалась брать какие-либо деньги.

Жена хотела сесть в кресло, но Надя вдруг придержала ее, сняла с ее бедер полотенце, накинула его ей на плечи, снова оголив низ, и сказала — Давай укройся, если тебе прохладно, а низ не прикрывай, я буду сейчас там рисовать.

Такого поворота никто, по-моему, не ожидал. Но жена была такой счастливой, испытывала такое доверие к Наде и ко всему миру, что повиновалась беспрекословно и села обнаженной, только колени сжала. Надя взяла кисти, тронула жену за ногу и сказала — Раздвинь ножки, я ж там рисовать буду. Жена помедлила минутку, посмотрела на меня, а Надя говорит: Ну же, не стыдись. Ты ведь так красива, а красоты нельзя стыдиться. — Она сказала это очень ласково и серьезно, без малейшей лести, и жена улыбнулась, облокотилась на спинку, раздвинула ножки и расслабилась.

Молодая пара и не думала уходить. Наоборот, они придвинулись поближе к жене и Наде, чтобы смотреть, как она рисует. Надя покрывала краской ноги жены, потом внутреннюю поверхность бедер, все больше раздвигая их, потом лобок и половые губы. Когда она рисовала на них, жена особенно широко раздвинула ноги, отчего половые губы раскрылись, и показался «бутончик». Я отчетливо видел на нем влажный блеск — это означало, что жена возбуждена.

Надя рисовала на ногах сплетения водорослей, а на лобке и половых губах — рыбку. Бутончик превратился в губы рыбки, а пушок на лобке — в чешую. Надя касалась кистью самых интимных органов моей жены, и та слегка вздрагивала. Вначале она с интересом смотрела на Надино рисование, но из-за живота ей не было видно, и она закрыла глаза. Было видно, что рисование в интимных местах приносит ей острое удовольствие. Надя, рисуя на половых губах, сказала — Подумать только, такой большой малыш, а может быть, даже не один, а с братиком или сестричкой — и вылезет на свет Божий через такую маленькую дырочку!

Это прозвучало очень непосредственно, и тем самым как бы окончательно исчезли все возможные табу по поводу наготы моей жены. Она перестала быть обнаженной, голой, и

стала Будущей Мамой. Все активно поддержали разговор на эту тему, придвинулись ближе, чтобы рассмотреть тело жены, заговорили о родах, стали расспрашивать жену о ее ощущениях, о том, не боится ли она и т. д. Жена сказала «честно говоря, боюсь немножко», и все стали ее подбадривать и утешать: девушка снова стала гладить ее по голове, а Надя сказала — Ничего, я абсолютно уверена, что у тебя родится здоровый малыш. После такой терапии просто не может быть иначе, правда? К тому же он наверняка будет художником... Все засмеялись, и в комнате воцарилась удивительная атмосфера, теплая и душевая, центром которой была моя беременная супруга. Ей было хорошо, нагота уже совсем не стесняла ее, кроме того, она наверняка испытала эротические впечатления, незнакомые ей до сих пор, и была переполнена ими — я очень хорошо чувствовал это.

Наконец Надя закончила рисунок, объявила об этом, и наступил такой шутиливо-торжественный момент — жена встала, и все мы стали аплодировать ей и Наде. Рисунок был только спереди, сзади Надя не рисовала ничего. Жена прошла перед зеркалом, любуясь собой, потом позировала обнаженной, ничем не прикрываясь. Разрешала снимать свой живот, груди, пах, и даже раздвинула ножки для парня, который присел на корточки и снял крупным планом ее половые органы, вернее — рыбку, нарисованную на них. От всего этого она явно получала немалое удовольствие. Я никогда не думал, что такое возможно...

Потом молодые люди распрощались с нами, Надя вышла их проводить, мы с женой остались одни, я поцеловал ее в кончик накрашенного носа и сказал ей, какая она красивая и как я рад за нее. Тут вернулась Надя, и сказала жене: — Ты так впечатлила мою подругу, что она, когда выходила, сказала своему парню: «я тоже хочу ребенка». А он чуть не выпал, говорит — «неужели я дождался?! Только они просили не говорить этого. Так что — секрет!

Я спросил — Надюша, милая, как нам тебе благодарить? Что мне сделать для тебя? Надя секунду подумала и сказала совершенно естественно, как ни в чем ни бывало:

— Только разреши мне помочь смыть краску с твоей жены, а потом приласкать ее так, как она захочет.

Мы немного опешили, и Надя, заметив это, продолжала с улыбкой:

— Не бойтесь, я не лесбиянка, у меня есть парень, и... в общем, все как надо (тут она снова улыбнулась и слегка покраснела). Просто я очень люблю твою жену и хочу выразить ей свою любовь так, как только могу — по максимуму. Это и будет ваша благодарность — если вы разрешите мне это. Она была так искренна, так прямо и открыто смотрела на нас, что мы ни о чем плохом даже и подумать не могли, а только растрогались, сказали «конечно», и жена обняла и поцеловала Надю.

— Тогда я поеду к вам. Идет? — сказала Надя. — Считайте, что я к вам напросилась. — Она засмеялась, и мы все тоже рассмеялись вместе с ней. Чувство чего-то нового, неизвестного, очень интимного, немного стыдного и запретного, но очень приятного и желанного овладело нами — и мной, и женой. Она переглядывалась со мной, и я видел, что она чувствует то же самое.

Мы стали помогать жене одеваться — осторожно, чтоб не стереть рисунок, натягивали на нее белье и прочую одежду — а Надя сказала ей:

— Что ж, одна ты будешь разрисованной? А чем мы хуже? Нет, так несправедливо. А ну-ка, иди сюда, — позвала она меня, усадила в то же кресло, и через секунду ее заботливые руки стали наносить краску мне на лицо и шею. Это было очень приятно... Надя нарисовала мне тигриную рожицу, такую уморительную, что я не мог глядеть в зеркало без смеха. Затем она

сама взяла кисти, подошла к зеркалу и быстро набросала у себя на лице и шее забавную птичью мордашку, с перьями, большими глазами и клювиком. Мы, как зачарованные, следили за ее умелой кистью.

Когда она закончила «рисоваться», как она сказала, и все мы, раскрашенные и смешные, были в сборе, она стала между нами, обняла нас обоих и провозгласила:

— А теперь мы немного прогуляемся! Ты не устала? — обратилась она к жене, и та замотала головой — Нет-нет, я готова гулять еще целый день!

— Тогда пойдем! Немного прошвырнемся по центру, — сказала Надя и повела нас к выходу. Что это была за прогулка! Мы немного стеснялись своих разрисованных физиономий, и поэтому всю дорогу не переставая ржали, как клоуны или маленькие дети. Было невероятно весело — мы болтали всякие глупости, несли какую-то чепуху, от которой всем нам было смешно, как никогда. На нас оборачивались с улыбками, а мы еще приставали к прохожим со всякими смешными глупостями... Этот вечер превратился в наш маленький карнавал.

Наконец жена, хотя и продолжала смеяться, стала замедлять ход, и мы, не сговариваясь, повернули обратно. За три минуты мы дошли до машины, уселись — я за рулем, Надя с женой сзади — и поехали к нам. В зеркало я видел, как Надя обнимает жену, и они вместе прыскают от смеха, вспоминая что-то. Я тоже смеялся и шутил, думая про себя: интересно, что значит «приласкать?»

Когда мы приехали, жена была немного уставшей, и поэтому Надя предложила:

— Приготовь постель, чтобы можно было сразу лечь (я почувствовал, как холодею), а мы пока пойдем в душ. Как закончишь, присоединяйся к нам.

Мы помогли жене раздеться, и, снова увидев рисунок, не могли удержаться от искушения еще поснимать жену. Она согласилась потерпеть еще минутку, мы раздели ее донага, и она попозировала обнаженной — сама, потом со мной и с Надей. Когда я снимал с нее лифчик, а Надя — трусики, наши взгляды пересеклись, и я прочитал в ее глазах столько нового, волнующего, что у меня вновь все замерло внутри. Наконец, как ни жалко было смывать рисунок, Надя повела жену в ванную, а я пошел стелить. Через пару минут я зашел к ним ванную. Там плавали облака пара. В ванне, на стульчике сидела моя жена, сверху на нее текла горячая вода из душа, а перед ней на корточках сидела совершенно голая Надя и нежно терла ей животик мочалкой, поглаживая другой рукой ее грудь. Выражение лица (уже вымытого) у жены при этом было неопишное.

Надя повернула голову в мою сторону и весело пожаловалась — Так ужасно — смывать собственный шедевр. Но ничего: он останется в веках на фотографиях! Слава фотографии!

Видя, что я остановился в нерешительности, она сказала мне, не переставая мыть жену — Раздевайся, присоединяйся к нам!

Я стал раздеваться. Вода булькала очень заразительно, а мокрые, намыленные женские тела блестели просто умопомрачительно, и мне очень захотелось туда, к ним. Меня только заботила дилемма: снимать ли трусы? Мой половой орган под ними торчал, как зенитка, и я стеснялся этого. Да и показываться голым Наде — при жене... С другой стороны, купаться в трусах — тоже как-то... Я разделся до трусов и застыл в нерешительности.

Тут жена сказала мне — Ты что, в трусах будешь купаться? И они с Надей вдвоем, с визгом и хихиканьем, как подружки-хулиганки, дотянулись до меня и стащили с меня трусы, обнажив «гаубицу». Это был настоящий эротический шок: я всегда дурею, когда с меня снимают трусы, а тут еще и Надя... Надя была худышечкой с подростковой фигуркой, узкими бедрами,

совсем крохотной талией, как у пчелки, пушистым темным лобком (при светлых окрашенных волосах) и упругой кожей. Соски ее набухли и торчали, и у жены тоже. Она как раз мыла жене грудь, нежно касаясь сосков.

Я залез к ним в ванну, вздрогнув от обжигающего душа, и стал помогать Наде мыть собственную супругу. Надя уступила мне место спереди, пройдя жене за спину и задев меня голым телом. Я присел на корточки, взглянул в глаза жене, увидел там неопишное счастье, улыбнулся ей, и стал мылить ей ножки, подбираясь все выше, а затем перешел и на половые губки, смывая с них «рыбку». Жена жмурилась... Краска смывалась не сразу, надо было некоторое время тереть кожу губкой, а места были деликатные, поэтому я долго и нежно мыл каждый сантиметр. Надя в это время намылила жене голову и месила ей мыльные пряди, время от времени обнимая ее и прижимаясь к ней. Надя была невысокого роста, нос ее был на уровне груди моей жены, издали они смотрелись, как мама и дочка...

Потом, когда жену вымыли, Надя сказала «А теперь вымоем многострадального мужа!» Я попытался протестовать, мол, и сам вымоюсь — но Надя сказала «Только не сегодня!», жена поддержала ее, повернулась на другую сторону — лицом к душе, я стал под него, и они вдвоем принялись мылить меня.

Это было нечто незабываемое: две пары заботливых женских рук на моем теле, полностью открытом для их ласк... Я никогда не испытывал такого. Они безо всякого стеснения мылили мне член, мошонку и анус, и я боялся, что вот-вот забрызгаю их спермой... Я едва сдерживал стоны, такое блаженство переполняло меня.

Наконец мы вымылись, вытерлись, вытерли жену, и Надя скомандовала: А теперь — в кровать! Бегом, чтоб не замерзнуть!

Жена взялась было за халат, но Надя сказала — Зачем? Тебе и так хорошо! — отняла у нее халат, обняла ее, повиснув на шее и прижавшись голыми грудями к ее груди, — моя хорошая, моя будущая мамочка! Пойдем!

И мы все пошли голышом в постель. Я замер внутри — неужели сейчас будет секс втроем? Если бы еще сегодня утром мне предложили такое, я бы с негодованием отказался, и не потому, что боялся за чувства жены, а потому что было бы противно. Но теперь, когда мы узнали Надю... она была так чиста, так искренне любила мою жену, а главное, жене это так нравилось... хоть она и сама наверняка думала то же, что и я. Кроме того, беременным секс не рекомендуется, особенно ближе к концу, и мы по требованию жены, которая боялась осложнений, «постились» уже несколько месяцев. Как быть? Я чувствовал огромную, всепоглощающую нежность к жене, и нечто похожее, но совсем другого рода — к Наде, а кроме того, был на пределе возбуждения. Казалось, одно прикосновение обнаженного женского тела к моему члену — и я взорвусь.

Мы вошли в спальню, уложили жену на подушки, я лег рядом, не зная, что делать, а Надя стала на четвереньки у нее в ногах, прижалась лицом к животику, стала гладить и целовать его, воркуя всякие ласковые глупости. Потом ее рука поползла вниз, под животик, и Надя сказала — О, да ты уже вся мокренькая, моя хорошая! — и стала ласкать жене половой орган, отчего та не сдержалась — застонала, выгнулась, как могла, и закрыла глаза. На лице у нее была такая стыдливая и вместе с тем счастливая улыбка, что я не выдержал и стал покрывать поцелуями милое личико, шейку, плечики... Я захлебывался от любви к жене и ко всему миру. Жена только жмурилась и постанывала, а мы с Надей ласкали ее: я целовал лицо, Надя — животик и груди. При этом Надина рука постоянно находилась во влагалище жены,

заставляя ее изгибаться все сильнее и сильнее. Я думал — не вредно ли это жене, но не решался лишить ее такого блаженства. Я стал над женой, впился губами в ее губы, и она страстно ответила мне... Как же давно мы не целовались! Такого неистового поцелуя я не помню со времен нашего романа... В это время Надя сосала грудь жены, как младенец, и трогала рукой мою мошонку. Потом она пригласила меня пососать другую грудь жене — «ведь такого с ней никогда не было, правда?», и мы впились в большие, соленые соски, всасывая и мучая их.

Жена буквально разрывалась под нашими ласками, гигантский живот ее ходил ходуном, а у меня ныло в паху — так хотелось войти в любимое лоно по самые яйца. Но я сдерживался, чтобы не навредить ей. Тут Надя, приподняв раскрасневшееся личико над грудью жены, говорит мне — Смотри, что тут делается, — и показывает на лоно жены, которое ласкала ее рука. — Тут, по-моему, требуются чьи-то страстные губы, — и я отполз назад, стал коленями на пол, залез жене между ног и впился в ее «бутончик», истекающий соком. Надя перелезла через жену верхом, стала над ней на колени — так, что ее влагалище оказалось точно над влагалищем жены, и мой нос уткнулся в него. Оно, конечно, тоже сочилось влагой, и Надя стала тереться им об мое лицо, перемазав мне нос, глаза и лоб своими соками. Я целовал оба бутончика по очереди, помогая себе обеими руками. Я весь был одержим мыслью доставить милым женщинам максимум удовольствия, и, кажется, достигал результата — обе они, и Надя, и жена, кричали все громче и «подмахивали» все сильнее. Надя крутила одной рукой сосок жены, а другой — свой собственный. У меня где-то глубоко внутри звенела жуткая мысль — «вот он, групповой секс...»

Первой кончила жена, огласив неистовыми криками всю квартиру. Я всосался в ее влагалище, как пиявка, стараясь достать языком как можно глубже, и рот у меня был полон соленой жидкости, которую я не успевал глотать. Надя слезла в этот момент с нас, подползла ближе к лицу жены и стала покрывать ее поцелуями везде, где успевала. Жена металась и хрипела долго, и потом еще долго не могла отдышаться — лежала, широко раскрыв глаза, и продолжала стонать. Ее лицо было мокрым от слез и поцелуев, красным и счастливым.

Надя тоже была вся красная. Мы с ней некоторое время ласкали жену, успокаивая после оргазма. Но мы оба были страшно возбуждены, у меня даже член стал «скисать» от перевозбуждения. Я, совершенно потеряв волю, с ужасом думал, не несет ли меня судьба к сексу с Надей на глазах у жены, и понимал только, что ужасно хочу этого.

Но Надя встала, тяжело дыша, и куда-то вышла. «Куда ты?» — хором спросили ее мы с женой, и Надя ответила «сейчас приду».

Мы на секунду остались одни, и я гладил жену, целовал, а она потянулась рукой к моему ноющему члену, взяла его в руки...

Тут вернулась Надя, держась рукой за влагалище, в котором дергалось что-то темное. Лицо у нее исказилось судорогой. «Что это?» — спросили мы. — Вибратор, — ответила Надя сквозь стон. — Ее тоже ждет эта пытка, не волнуйтесь...

Она залезла к нам, придерживая вибратор внутри, и сказала жене: — А теперь давай сделаем хорошо нашему мальчику...

Я сел по Надиному совету «на шею» жене — так, что мои яички оказались на уровне ее рта, а член мой взяла в рот Надя! Боже мой! Они вдвоем лизали мне член и яички, и Надя еще залезла мне пальчиком в анус, их красные лица были прижаты рядышком, и временами они облизывали друг другу щеки и глаза. Такой невыносимой всесторонней ласки я еще никогда

не переживал... Надя ловила ртом мою сперму, а потом прильнула ртом ко рту жены, передавая ей ее...

Все это время она мучала себя вибратором. Когда я, обессиленный, отвалился, она вдруг запищала, как маленькая девочка, и быстро-быстро стала толкать рукой вибратор себе во влагалище. Я обнял ее, привлек к себе, сжал рукой сосок, отчего она запищала еще пронзительнее... Так впервые в жизни у меня в объятиях кончила другая девушка. Потом мы еще раз довели до оргазма жену, используя вибратор, который довел ее до настоящей истерики блаженства, а потом Надя делала ей расслабляющий массаж, чтоб она уснула. Я успел возбудиться по второму кругу, но молчал, чтобы не утомлять жену. Когда она уснула с блаженной улыбкой на лице, мы с Надей вышли в туалет. Нас переполняла истома, и не хотелось говорить, но все-таки я побаивался оставаться с ней наедине. Тем более, что желание просыпалось с новой силой, и я все отчетливее понимал, что хочу именно ее, хрупкую девушку с детской фигурой и остренькими сосками, — не переставая ни на секунду умирать от любви к жене.

Мы с Надей зашли в туалет, потом в ванну, где она вдруг положила руки мне на плечи, посмотрела в глаза, и мы, без слов поняв друг друга, пошли в комнату, на диван. Мы будто отделись вдруг какому-то потоку, который понес нас против воли. У меня совесть кричала, как сумасшедшая, но в тоже время безумно хотелось Этого, и я понимал, что Это неизбежно. Я отвел Надю в темноте на диван, она обвила мне шею руками, впилась в губы, и я сразу вошел в нее, изнывая от наслаждения... Это был такой порыв, когда разум просто исчез, потух... Презервативы остались в спальне, и мы сношались «вживую». Я изо всех сил сдерживался, желая довести до оргазма Надю, и мне это удалось: она вдруг напряглась, прикусила мне губы и снова запищала — приглушенно, хрипло, чтобы не разбудить жену. Тут и я кончил в нее, не в силах вынуть член. После этого мы еще с полминуты прыгали друг на друге по инерции...

Потом лежали, благодарно прижавшись друг к другу. Не говорили. Истома накрывала все сильнее, усыпляя совесть... но внезапно Надя вскочила — «мне пора». Я придержал ее, но она убрала мою руку и сказала «нельзя, чтобы твоя жена увидела нас». Я тоже понимал это...

Надя быстро и бесшумно оделась, я проводил ее, поцеловал на прощание в лоб, сказал «спасибо за все», она глубоко вздохнула, сказала «и тебе спасибо» — и ушла...

Я постоял какое-то время без единой мысли в голове, потом снова разделся догола, вошел в спальню и лег с женой. Она спала. Я нежно-нежно, чтобы не разбудить, обнял ее, она пошевелилась во сне, прошептала «Надюша...» и снова затихла. Никакой ревности, никаких чувств, кроме усталости и глубокого-глубокого, бездонного удовлетворения и насыщения, я не испытывал — и через секунду заснул, обнимая жену.

Наутро... не буду пускаться в подробности, скажу только, что между нами состоялся доверительный разговор, в результате которого мы выяснили, что наше доверие друг к другу ничуть не пострадало. Жена только спросила «Я красивее, чем Надя?», и я совершенно искренне ответил «Нет никакого сравнения», что совершенно нейтрализовало всю ревность. Действительно, Надя, с ее детской костлявой фигурой, носатым личиком и крашеными волосами по-женски не привлекала меня... сейчас. Меня влекло к ней нечто другое... но влюбиться в нее как в женщину я точно не мог, я это чувствовал. Тем более — в сравнении с моей обожаемой половинкой. Правда, красоту ее тела, готового к материнству, я оценил

благодаря Наде, напомнил я себе, — и вообще, многое смог понять благодаря ей...

О том, что мы с Надей натворили, когда жена спала, я, конечно, не рассказал ей, и никогда не расскажу. Вначале мучила совесть — ведь это была моя первая измена, — но я понимал, что иначе не могло произойти. Если б мы воздержались от секса — между нам возникла бы недомолвка, которая осталась бы в наших отношениях и Бог знает во что разрослась бы. А так мы словно поставили точку — и разошлись без обиняков. Это понимание быстро нейтрализовало муки совести, и уже через пару дней я вспоминал о сексе с Надей, как о волнующем приключении, не более того.

Воздействие того дня было колоссальным, особенно у жены. Эйфория тянулась еще долго, неделю или больше. Жена призналась мне, что она счастлива, как никогда, но повтора не хочет. Пусть этот случай останется единственным, неповторимым запретным праздником. Жена сильно изменилась после того дня. Депрессия ушла, как не бывало, страхи исчезли — давно я не видел жену такой радостной, спокойной и уверенной в себе. Она поверила в себя, в свою красоту, сексуальность, нужность, в своего ребенка, и эта вера преобразила ее: с лица не сходила улыбка, походка стала изящнее, речь — музыкальнее. Она сосредоточила все свои мысли на разумной, грамотной подготовке к родам...

В назначенное время она благополучно родила тройню — целое «женское вокальное трио», как назвала их Надя — трех здоровых, крепеньких девочек. Мы назвали их Верой, Любой и Надей. Кстати, с Надей мы дружим, она — одна из лучших подруг жены, часто бывает у нас, но больше никогда не рисует на жене, и тем более — никакой эротики. Они только иногда особенно нежны друг с другом... Жену, которая раньше «не дружила» с компьютером, я несколько раз застал за просмотром картинок бодиарта, после чего она мне призналась, что мечтает быть моделью для бодиарта — чтобы ее, обнаженную, расписывал художник, а потом фотографировали. И что она собирается быстро восстановиться после родов для этого. В самом деле: после родов она, помимо ухода за девочками, стала соблюдать ревностный режим, и к ней почти вернулось ее прежнее тело!... Я, правда, не знаю, что и думать насчет бодиарта: мысль о том, что ее, обнаженную, будут расписывать посторонние люди, будит во мне и сильное желание, и сильную ревность...

И напоследок расскажу о Наде. Назавтра после этого выдающегося дня я позвонил Наде на мобильный, не слишком веря в то, что она снимет трубку, а если и снимет — согласится со мной разговаривать, а тем более встречаться. Тем не менее после третьего гудка она сняла трубку, и абсолютно ровным, приветливым голосом поздоровалась со мной. Когда я попросил ее встретиться, она только секунду помедлила, а затем — все тем же ровно-спокойным голосом ответила — «хорошо, когда?»

Когда мы встретились, пришел мой черед удивлять ее. Она, вероятно, ожидала, что я буду говорить что-то о вчерашнем, о наших отношениях и т. д., и была очень тревожной, хоть и старалась улыбаться. Но я сказал:

— Надя, я пришел поблагодарить тебя за незабываемый день, за твою работу и за все, что ты сделала. Ты — удивительный человек. Позволь от чистого сердца отблагодарить тебя, чтобы у тебя всегда оставалась маленькая память об этом дне, — и вручил ей кулончик из драгоценных камней, купленный для нее, — в нем три камня переплелись друг с другом, словно в объятиях. Надя не ожидала этого, вспыхнула, охнула — и обрадовалась как дитя. На глазах ее показались слезки.

Когда она налюбовалась подарком и намерялась от души, я сказал:

— Ты — замечательный, мудрый психолог. Ведь весь чудесный вчерашний день был спланированной стратегией? Ты ведь делаешь так уже не первый раз?

Надя внимательно посмотрела на меня, и спокойно ответила:

— Конечно. Я практикую это уже два года. Я называю это «эротерапией». Когда беременная в депрессии, я вызываю ее с мужем или парнем как бы для того, чтобы разрисовать животик, потом оголяю ее, оголяюсь сама, чтобы раздражить сексуальность, разрисовываю с ног до головы, потом в самый ответственный момент зову друзей — тоже пару, которая ждет под дверью моего сигнала, чтоб войти в нужный момент. Потом разрисовываю женщине интимные места на глазах у всех, довожу её стыд и желание до кипения, потом гуляю с ними, чтобы сблизиться еще больше. А потом — как сложится. Чаще всего я еду к ним домой, и там — довожу женщину до предела наслаждений. Я не проститутка, не думай, у меня есть правило: никакого секса. Максимум — оральные ласки. Я и вибратор купила, чтобы удовлетворять себя. Но вчера я впервые в жизни нарушила это правило...

Мы помолчали. Потом я мягко спросил:

— Твоя терапия достигает потрясающих результатов, моя жена буквально переродилась. Но, наверно, ты делаешь это не только для работы — тебе это нравится?

Надя ответила откровенно:

— Да, мне это нравится. Более того, я без этого жить не могу. Я не лесбиянка, но я бисексуалка, я обожаю ласкать женщин, обожаю заниматься сексом с парой... Еще я очень люблю обнажение, свое и чужое, возбуждаюсь от чужой наготы, чужого смущения, стыда. И я решила, что все это должно приносить пользу другим людям, и в то же время дарить наслаждение и мне.

Потом она помолчала и сказала:

— А настоящим сексом я занимаюсь только со своим парнем. Мне это тоже безумно нравится. Он знает о моей профессии, и не возражает — его только заводит, когда я рассказываю ему все до последней детали о страстных ласках, в которых участвовала. Я ему никогда не изменяла...

— Я своей жене — тоже, — мягко вставил я, мы улыбнулись и грустно посмотрели друг на друга. Я взял Надю за руку, и сказал, глядя ей в глаза:

— Надя, ты удивительный человек, талантливый, мудрый, я очень люблю тебя — люблю, как лучшего друга, и хочу, чтобы ты дружила с нами, продолжала бывать у нас и общаться с нами. Ты нам очень нужна.

Надя улыбалась, глаза у нее были мокрые... Она сказала, держа меня за руку:

— Конечно. Спасибо тебе. Я обязательно позвоню твоей жене, и обязательно приду к вам. Только не сегодня. Сегодня я не могу. После того, что произошло... Я должна... я слишком люблю ее, ее и тебя. Ты понимаешь?

— Понимаю, — сказал я...

Слава Богу, Надя не забеременела после того дня.

Пожалуйста, поделитесь своим мнением и соображениями по поводу всего, что я рассказал, по адресу: 4elovecus@rambler.ru